

УДК 821.161.1.09(Блок А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.94

Код БАН 10.02.01; 10.01.01

Т. А. Кальщикова
Нижний Тагил, Россия

Т. А. Kalschikova
Nizhny Tagil, Russia

**ДИАЛОГ О СУДЬБЕ РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ДНЕВНИКА А. БЛОКА**
(на примере обращения к обобщенному адресату)

**DIALOGUE ON THE FORTUNE OF RUSSIA:
PECULIARITIES OF PRAGMATIC ORDER
OF A. BLOK'S DIARY (on the basis
of addresses to a generalized addressee)**

Аннотация. Рассматриваются интенции А. Блока — автора дневниковых записей. На примере обращения к обобщенному адресату показываются основные средства реализации одной из интенций автора — оспорить общее мнение.

Abstract. Intentions of A. Blok, the author of a diary, are discussed. On the example of addresses to a generalized addressee the main means of realizations of one of the author's intentions — to question the generally accepted opinion, is shown.

Ключевые слова: А. Блок; дневник; интенции автора; адресаты дневниковых записей; обобщенный адресат.

Key words: A. Blok; diary; author's intentions; addressees of diary; generalized addressee.

Сведения об авторе: Кальщикова Татьяна Александровна, специалист редакционно-издательского отдела.

About the author: Kalschikova Tatiana Aleksandrovna, Specialist of Editing Department.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: taakario@rambler.ru.

Составить исчерпывающий перечень коммуникативных целей дневника вряд ли возможно: каждый человек, берущийся писать дневник, преследует свои, сугубо индивидуальные цели, его обращение к записям продиктовано личными потребностями и мотивами, которые отличаются от потребностей и мотивов других людей. Для каждого индивидуальны объем проживаемых впечатлений, мировоззрение, желание и способность к обобщенному взгляду на жизнь, всегда неповторима коммуникативная ситуация произведения записей.

Исследователи называют различные обобщенные цели ведения дневниковых записей: «выражать свои мысли, чувства и сомнения <...> описание дня как временного пространства <...> перечисление сделанного, итог, размышления, анализ чувств и мыслей, планы и т. п. <...> размышления о том, что волнует» [Виноградов, Платонова 1999]; «самоорганизация личности» [Лотман 1998]; «запоминание определенных сведений... уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [Лотман 2004]; «сохранение информации о происшедшем» [Радзиевская 1992]; «напоминание самому себе, они [дневники] предназначены для использования в будущей работе» [Романова 2003: 197]; «рассказать о времени и о себе, о людях, так или иначе памятных и побуждающих к раздумью, восхищению, негодованию, скорби» [Хмара 1977: 14]; «понять себя, причину внутреннего недовольства собою, ду-

шевной раздвоенности» [Топоров 1989: 79]; «„отвечать жизни в ее движении“» [Рудзиевская 2002: 12]; «посреди хроники „портрета эпохи“ — остановка и взгляд автора вовнутрь себя» [Мальцев 2003]; «желание не забыть, оправдать себя или понять произошедшее, впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное» [Полубо- ярова 2005: 130] и др.

Анализ этих обобщенных целей (интенций) автора демонстрирует, что цели автора дневника рассматриваются с точки зрения разных критериев:

- **тематики** записей (преимущественное обращение к событиям внешней жизни либо акцентирование внимания на своем внутреннем мире);
- **роли**, в которой выступает автор в данный момент;
- характера **адресата**, к которому обращена авторская речь.

Значимы для выявления и анализа интенций автора также различные свойства и характеристики текста, например элементы коммуникативной ситуации, эксплицитно отразившиеся в тексте дневниковой записи, или преобладающие языковые средства, участвующие в реализации интенций, различные модели/схемы, по которым строится запись, реализующая данную интенцию.

Записи, отражающие взгляд автора на **события внешней или внутренней жизни**, могут реализовывать следующие частные интенции:

1) представить на страницах своих записей жизнь вокруг себя, описать внешний мир:

- зафиксировать наиболее значимые, на взгляд автора, события, факты внешней жизни, имена видных политических, общественных деятелей, известных людей из той профессиональной сферы, к которой относится автор, названия обществ, изданий, произведений; сделать «моментальный портрет» эпохи;
- зафиксировать приметы времени, уловить нечто, что «витают в воздухе» и затем, по прошествии некоторого времени, развивается, становится ярким признаком общественной (социальной, политической, культурной) жизни;
- осмыслить события, явления, факты путем рассуждения о них;

2) представить на страницах дневника самого себя во внешних обстоятельствах, раскрыть свой внутренний мир:

- проанализировать свое психическое состояние;
- разобраться в происходящих вокруг лично значимых событиях;
- разобраться в случившемся, объяснить себе причины некоторых своих поступков;
- осмыслить свое место в жизни (в семье, в профессии, в культуре).

В зависимости от **роли**, в которой выступает автор в данный момент — поэта, мужа, работника, общественного деятеля, зрителя, читателя и т. д. — также можно выделить множество интенций, отличающихся по удельному весу в общей структуре дневникового текста, по объему дневниковых записей или их фрагментов, в которых данная интенция реализована:

- описать текущую ежедневную «работу» как литератора (содержание, объем, порядок действий, круг чтения и др.);
- зафиксировать свое отношение к прочитанному, а также результат собственную рефлексию по поводу книги;
- зафиксировать сюжет, образ, мысль, которые могут в дальнейшем пригодиться в творчестве, шире — творческие планы;
- зафиксировать чужие мнения о своем творчестве и о себе;
- в форме обращения к невесте (жене) записать невысказанное;
- зафиксировать этапы развития отношений, их нюансов с невестой, затем — женой;
- зафиксировать содержание иной, нелитературной, деятельности, показать важность выполняемой работы и свое отношение к ней;

– зафиксировать факты, внешние события, шире — срез общественной жизни и попутно дать свою оценку происходящему;

– зафиксировать свое впечатление от спектакля, игры актеров и т. д.

Цели автора дневника можно рассматривать и в связи с предполагаемым **адресатом** записей. Если диалог происходит с самим собой, то целями, вероятно, будут следующие:

- констатировать факты, события внешней жизни (то, что вызвало непосредственный интерес автора);
- перечислить/описать события текущего дня;
- напомнить себе о чем-либо, дать задание (если автор неоднократно перечитывает свои записи);
- закодировать что-либо для себя;
- проанализировать свое психическое состояние (текущее);
- понять себя, собственную жизнь.

Если предполагается внешний адресат записей (например, некий обобщенный адресат или читатель опубликованного дневника, а также конкретный человек, являющийся носителем взглядов определенной общности людей — профессиональной, политической и др.), то цели автора уже другие:

– констатировать какие-либо факты текущей жизни, сделать «моментальный портрет» эпохи;

– зафиксировать свое эмоциональное впечатление от какого-либо факта, явления, что, возможно, для читателя будет более ценно, чем сухое изложение фактов без их оценки;

– раскрыть свое «Я» (например, объяснить те или иные поступки, заполнить информационные пробелы, втянуть в «ритм жизни») так, чтобы быть понятым потомками;

– поделиться опытом, какими-то выводами, размышлениями;

– после обдумывания состоявшегося разговора (и, возможно, других источников информации — статей, выступлений и т. д.) продолжить мысленную полемику с оппонентами по политическим, общественным, профессиональным вопросам.

При этом автор вынужден учитывать внешнюю адресованность и обеспечивать адекватность восприятия своих записей. Этому служат рассуждения, риторические вопросы и восклицания, дополнения, попутные замечания к сказанному ранее, подробное комментирование отдельных моментов, что делает их понятными другим. Появление сентенциозности, назидательности, оценочности также служит средством реализации внешней адресованности дневника.

Как видим, отдельные интенции, выделяемые в соответствии с тематическим наполнением записей, коммуникативными ролями автора и видами адресатов, совпадают или, в большинстве своем, взаимодополняют друг друга. Общий перечень интенций составить сложно, так как записи / фрагменты записей, в которых реализуется та или иная интенция, имеют различный объем и частотность в общем тексте дневника, отдельные интенции преобладают в различные периоды ведения дневника, некоторые из них непосредственно связаны с несовпадающими коммуникативными ролями автора, какая-либо из которых выходит на первый план в различные периоды ведения записей.

При анализе интенций автора в дневнике А. Блока мы, исходя из особенностей адресации записей, разделили их на группы в соответствии со следующими типами адресатов: сам автор, другое конкретное лицо, обобщенный адресат.

Основные интенции, выделенные в рамках автокоммуникации, связаны с перечислением событий текущего дня, описанием фактов, вызвавших непосредственный интерес автора, анализом своего психического состояния, фиксированием заданий самому себе.

При адресации фрагмента записи другому конкретному лицу (в какой-то степени и обобщенному адресату) интенции мотивируются предшествующим жизненным контекстом и связаны с мысленным обращением к адресату (в основном для продолжения разговора, имевшего место некоторое время назад), продолжением полемики, рассуждений на темы, которые особенно тревожат автора.

В данной статье мы подробнее остановимся на **интенциях автора при обращении к обобщенному адресату.**

Записи данного типа на страницах дневника А. Блока не очень многочисленны, если иметь в виду типичные, ядерные средства адресации (номинация собеседника, в том числе при помощи обращений и местоимений *ты/вы*; вопросно-ответные комплексы; функциональный потенциал определенноличных предложений). Однако со временем поэт осознает возможность обнародования/публикации своих записей, что отражается в дневнике начиная с 1911 г.: автор начинает использовать и другие, периферийные средства, которые адресуют запись возможным собеседникам уже косвенно. Уменьшается имплицитность семантических и структурных компонентов записей, увеличивается количество причинно-следственных связей, выраженных соответствующими

синтаксическими структурами (так, предложений с подчинительными союзами «потому что» и «так как» в зрелый и поздний периоды ведения дневника в 6,5 раз больше, чем в период юношеского дневника). Также в указанный период значительно увеличивается количество выводов и обобщений на основе увиденного/произошедшего, записи становятся более назидательными и сентенциозными, что также ориентирует их на возможного читателя (основное средство, используемое автором — формы глаголов настоящего неактуального времени в сочетании с существительными максимально обобщенной семантики). Кроме того, метадискурсивные замечания, касающиеся ведения дневника, также косвенно ориентируют записи на возможного читателя — как современника, так и потомка: *Писать дневник, или, по крайней мере, делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам* (17.10.1911) [Блок 1989: 64]; *Записывая все эти мелочи, доступные моему наблюдению, я, однако, записываю, как „повернулась история“* (27.07.1917) [Там же: 238]. Таким образом, круг возможных адресатов записей расширяется, в него включаются и современники поэта, и значительно более поздние читатели.

Рассмотрим случаи, когда обобщенный адресат представлен эксплицитно и обращение к нему выражено типичными для таких ситуаций языковыми средствами.

Обращение к обобщенному собеседнику характерно в основном для зрелого и позднего периода ведения дневниковых записей. Возможно, это связано с тем, что накопился жизненный опыт, автор уже знаком со многими людьми, имеющими различные мнения по поводу двух основных проблем, которые ему небезразличны: культурной (прежде всего литературной) жизни эпохи и судьбы России в целом.

Обращаясь не к одному адресату, а ко всем, к людям как некой общности, поэт тем самым противопоставляет свои размышления и выводы многоголосому, но единому мнению некоторой группы людей. Формулирование своего мнения, отличного от мнения группы, происходит, когда накоплен некоторый объем высказываний конкретных людей (с которыми автор, как правило, не согласен).

В дневнике А. Блока мы выявили три основные интенции, связанные с обращением к обобщенному адресату: 1) обратиться к предполагаемому собеседнику (оспорить общее мнение); 2) представить себя для возможных читателей (для потомков); 3) зафиксировать свои выводы и обобщения на основе увиденного/произошедшего, которые

могут быть интересны и другим.

Проиллюстрируем интенцию обращения к предполагаемому собеседнику с целью оспорить общее мнение следующей записью: **5 января. Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь. // Протестовать против насилия — метафора (бледная немочь). <...> Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О сволочь, родимая сволочь! // Почему „учредилка“? Потому что — как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем... Ложь выборная <...> Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому, что, рано или поздно, некий Миллюков произнесет: „законопроект в третьем чтении отвергнут большинством“. // Это — ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский — в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу... <...> „Разочаровались в своем народе“ — С. Ф. Платонов... и г-жа Султанова. // „Немецкая демонстрация“ (г-н Батюшков Ф. Д.) // Медведь на ухо. Музыка где у вас, тушинцы проклятые? // Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа? А ведь это — интеллигенция! // Или и **духовные ценности** — буржуазны? Ваши — да. // Но государство (ваши учредилки) — **НЕ ВСЕ**. Есть еще воздух. <...> Чувство неблагополучия (музыкально чувство, ЭТИЧЕСКОЕ на вашем языке) — где оно у вас? // Как буржуи, дрожите над своим карманом (05.01.1918) [Там же: 258—259].**

В данной записи поэт противопоставляет себя и нынешнюю интеллигенцию, представленную фамилиями Д. С. Мережковского, С. Ф. Платонова, Е. П. Султановой, Ф. Д. Батюшкова — писателей, критиков, историков. Поэт также причисляет себя к этой социальной группе, о чем говорит восклицание «О сволочь, родимая сволочь!» (оксюморон), хотя и спорит с высказываниями отдельных ее представителей, приписывает интеллигенции «малокровие», отсутствие этических чувств и излишнее теоретизирование (об этом говорит номинация «тушинцы»: поэт использует слово, употребленное Ап. Григорьева по адресу «теоретиков», «людей с побуждениями „интернациональными“, „идейными“ — мертвыми» [Блок 1962: 509]). Поэт внутренне не принимает Учредительное собрание (номинация с суффиксом -к- — «учредилка», формы множественного числа — «инстинктивная ненависть к... учредительным собраниям», «учредилки»), «немецкую демон-

страцию», «разочарование в своем народе».

Представителей интеллигенции, утративших «чувство благополучия», автор сравнивает с буржуями, дрожащими над своим карманом. Однако обратиться в такой форме к своим оппонентам при реальном общении было, наверное, невозможно, поскольку это грозило бы ссорой из-за резкой оценочности, которая, в частности, актуализируется одной из излюбленных конструкций поэта «это — ...»: «Это — ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский — в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу...», обращением «тушинцы проклятые». Препятствовала произнесению таких фраз при живом общении и агрессивность речи: «как буржуи, дрожите...».

Обсуждаемая тема очень волнует автора, на это указывают множественные шрифтовые выделения (в тексте публикации используется курсив, замененный здесь на полужирный курсив, и прописные буквы). Адресуя свое негодование обобщенному адресату непосредственно при помощи обращения, местоимения «вы», формы глагола 2-го лица, автор формирует своеобразный вопросно-ответный комплекс, состоящий из своих реплик и подразумеваемых реплик оппонента. Так, первое обращение: «Музыка где у вас, тушинцы проклятые?» — остается без ответа, далее следует эмоциональное (оформленное при помощи восклицательного предложения) рассуждение автора о том, что чувство неблагополучия отсутствует именно у представителей интеллигенции, которым оно, казалось бы, в первую очередь должно быть свойственно (*Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа? А ведь это — интеллигенция!*). Новая «реплика» автора в адрес обобщенного адресата, вопрос «Или и **духовные ценности** — буржуазны?» уже предполагает конкретный ответ, автор считает типичным ответом «нет», но, продолжая полемику, утверждает: «Ваши — да». Далее, после краткого рассуждения о том, что не только официальные органы формируют настроение всего народа, автор вновь возвращается к интеллигенции, обращается к ее представителям на «их языке», вызывает к пробуждению чувства неблагополучия в конкретной исторической ситуации. Своеобразие данного вопросно-ответного комплекса состоит в том, что автор обращается к обобщенному адресату, и реальных реплик (как если бы разговор состоялся с конкретным человеком) он привести не может, поэтому здесь представлены лишь реплики автора и подразумевается одна из реплик оппонентов.

Налицо двуполярность приведенной за-

писи, противопоставление «Я» «окружению», «миру». Это, на наш взгляд, связано с тем, что размышления автора определяются некими внешними причинами, в большинстве своем имеют непосредственную связь с имевшими место некоторое время назад разговорами, обсуждениями, связаны с прочитанным. С течением времени, накапливая жизненный и художественный опыт, поэт не может не реагировать на вызовы своего времени, поднимаясь при этом на высокий уровень обобщения и делясь с современниками и потомками своими наблюдениями и выводами.

Размышляя о себе, своих действиях (*...как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем...*), автор переходит к осмыслению своего взаимодействия с миром, глобальных закономерностей бытия. Ключевой момент записи — *Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись*. Это определяется сгущением всех выразительных языковых средств: нанизываются слова с модальным значением, уплотняются параграфемные средства, непосредственно после основной мысли автор задает главные вопросы и пытается на них ответить, актуализирует причинно-следственные связи парцеллированием придаточной части сложноподчиненного предложения.

Модель реализации интенции в данном фрагменте такова: сначала — квалификация «спорного» явления, идентификация его состояния, вызывающая отрицательное впечатление автора, затем — размышление о том, как надо поступить для выхода из сложившейся ситуации (что в ней изменить), затем — оценка, также негативная, описываемого объекта, перемежающаяся с побуждением предполагаемого оппонента к определенным действиям, изменению своей позиции.

Для себя автор записи на первое место ставит *духовные ценности* и принцип *Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись*. Как именно, автору пока не ясно: 1918 г. только наступил, политическая жизнь очень активна, события постоянно сменяют друг друга.

Как показывает анализ, интенции, связанные с обобщенным адресатом записей, многообразнее при обращении к будущим возможным читателям и не так разнообразны при обращении к современникам поэта. При этом средства, указывающие на обращение к обобщенному адресату — современнику, гораздо четче (они сходны с основными языковыми средствами, реализующими обращенность к конкретному адресату), чем средства, реализующие адресованность

к будущим читателям дневника.

А. Блоку как создателю дневника свойственно следующее качество: поэт пишет о чем-то конкретном (своих стихах, статьях и пр., отношениях с родственниками, телефонных разговорах, письмах, встречах, заседаниях и мн. др.), и его мысль, отталкиваясь от конкретных фактов, нередко стремится к поиску закономерностей, обобщению. Как нам видится, чаще всего это происходит, когда у пишущего дневник есть свободное время для записей либо когда мысль вынашивалась уже давно и фиксируется при первой возможности.

Еще одна интересная черта, свойственная дневнику А. Блоку, состоит в том, что он многократно на страницах записей причисляет себя к некоторой группе людей, общности, называя себя и представителей этой группы личным местоимением «мы». Автор объединяет себя с другими людьми по следующим признакам:

- профессиональному (я — литератор, поэт, художник): *Почему так ненавидишь все яростнее литературное большинство? <...> Они нас похваляют и поругивают, но тем пьют нашу художническую кровь. Они жиреют, мы спиваемся... Эти, которые заводятся около искусства...* (11.02.1913) [Блок 1989: 182—183];

- сословному (я — представитель интеллигенции, сословного меньшинства, «господ»): *А русский народ „блажит“ добродушно, тупо, подловато, себе на уме... За что нам верить? За что верить государству? Господа всегда обманывали. Господа, хоть и хорошие, да чужие* (10.07.1917) [Там же: 229];

- национальному (я — русский): *На древний запад, на кривой ятаган востока мы смотрим, как на блаженную мерцающую красным светом α Ориона* (22.12.1911) [Там же: 93];

- временному, эпохальному (я — человек, живущий в данное время): *Я, например, полагаю в опере все, на что я способен, вокруг одного: судьба неудачника; по крайней мере, в христианскую эпоху, которой мы современники, это величина постоянная* (11.10.12) [Там же: 140] и др.

Причисление автором себя к различным группам людей также указывает на адресацию дневниковых записей этим предполагаемым собеседникам (обобщенному адресату).

Возможно, обращение к потомкам и вообще желание остаться в истории — глобальная цель ведения дневника для человека, осознающего свою известность, значимость в культуре своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. — М. : Сов. Россия, 1989. (Русские дневники).
2. Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Собр. соч. : в 8 т. — М. ; Л., 1962. Т. 5. С. 487—519.
3. Виноградов С. И., Платонова О. В. [и др.]. Культура русской речи : учеб. для вузов. — М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
4. Лотман Ю. М. «Я» и «другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера / Лотман Ю. М. — СПб. : Искусство-СПБ, 2004. С. 163—177.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Лотман Ю. М. — СПб., 1998. С. 14—288.
6. Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Густава Херлинга-Грудзиньского: эпические жанры и дневник-хроника : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
7. Подубоярова Л. А. Способы репрезентации адресата в тексте дневника // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 2. С. 129—136.
8. Радзиевская Т. В. Текстовая коммуникация. Текстобразование // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. — М. : Наука, 1992. С. 79—108.
9. Романова Г. Автобиографические жанры // Литературная учеба. 2003. № 6. С. 195—199.
10. Рудзиевская С. В. Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12—19.
11. Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М. : Наука, 1989. Вып. 4. С. 78—99.
12. Хмара В. Зигзаги жанра // Литературное обозрение. 1977. № 9. С. 14—18.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов